

Ким НИЛИ

«РОЛЛИНГ СТУД», НЬЮ-ЙОРК.

4 ЕМ занимались последнее время? — В Австралии и Новой Зеландии, по существу, завершилось наше турне с «Blood Sugar Sex Magik».

— Я воображал, как раскачиваюсь в джунглях на лианах, наблюдаю за орангутанами и танцую среди экзотических цветов. Но на деле все оказалось совсем иначе. Все зверски заболели. Спали так просто в неообразимой сырости, в джунглях, зеленых ночными шорохами.

— И долго плутали? — Целую неделю. В конце концов, возвратившись в Лос-Анджелес, я узнаю, что подцепил пикоричу лигге — такую-то дальнюю родственницу малярии.

«Нельзя петь на сцене в чем мать родила»

пока не созрели для записи следующего диска.

— Нашисали ли вы что-нибудь? — У нас куча идей. Мы всегда сначала напридумываем 87 куч идей, а потом решаем, что оставить, а что выбросить.

— Каким у тебя отношении с Фли? Вы спорите между собой? — О наших разногласиях известно всему миру.

— Изменился ли ваш образ жизни после успеха «Blood Sugar Sex Magik»? — Много лет мы с Фли считались по городу не вня, удастся ли поужинать. Когда впервые вели переговоры с импресарио, то сказали ему: «Если хочешь иметь с нами дело, устрой так, чтобы мы ели каждый день».

— Именился ли ваш образ жизни после успеха «Blood Sugar Sex Magik»? — Много лет мы с Фли считались по городу не вня, удастся ли поужинать. Когда впервые вели переговоры с импресарио, то сказали ему: «Если хочешь иметь с нами дело, устрой так, чтобы мы ели каждый день».

— Именился ли ваш образ жизни после успеха «Blood Sugar Sex Magik»? — Много лет мы с Фли считались по городу не вня, удастся ли поужинать. Когда впервые вели переговоры с импресарио, то сказали ему: «Если хочешь иметь с нами дело, устрой так, чтобы мы ели каждый день».

— Именился ли ваш образ жизни после успеха «Blood Sugar Sex Magik»? — Много лет мы с Фли считались по городу не вня, удастся ли поужинать. Когда впервые вели переговоры с импресарио, то сказали ему: «Если хочешь иметь с нами дело, устрой так, чтобы мы ели каждый день».

— Именился ли ваш образ жизни после успеха «Blood Sugar Sex Magik»? — Много лет мы с Фли считались по городу не вня, удастся ли поужинать. Когда впервые вели переговоры с импресарио, то сказали ему: «Если хочешь иметь с нами дело, устрой так, чтобы мы ели каждый день».

В прошлом выпуске «Молодежного клуба» (№ 21) мы познакомили читателей с группой «Ред хот Чили перперз» — «Жгучие чилийские перцы». А сейчас, как обещали, предлагаем вамему вниманию интервью с ее лидером Энтони Кидисом.

За рубежом. — 1994. — 8-14 июля (№ 27). — С. 12-13

№ 27 (1740) • 1994 г.

шой, если бы оставались одни гастроли и записи.

— И все-таки наверняка находились люди, пытавшиеся в этом смысле давить на вас. Как вам удавалось не поддаваться нажиму?

— Восхождение наверх было у нас постепенным, поэтому мы много думали, как нам удобнее заниматься своим делом. Если бы мы стали знаменитыми после первой же пластинки, я думаю, группа уже давно бы распалась.

— Что ждуть люди от вашего нового диска? Ожидает ли ты когда-нибудь, что тебя скроывает нынешний имидж группы как шайки сексуально озабоченных клоунов?

— Я не считаю нашу сексуальность воинственной, это скорее наша музыкальная марка. В ней столько малой толчка нас самих. Если составить список всех наших песен, немного не обретется таких, в текстах которых преобладает секс.

— Не обижает ли тебя это довольно одностороннее мнение слушателей о группе?

— Меня оно не трогает. Предвзятые представления людей порой ограничивают их способность понимать и оценивать то, чем мы занимаемся.

— Как ты считаешь, уместны в эпоху СПИДа ваши сексуальные тексты?

— Взаимосвязь между крутой «фанк»-музыкой и сексуальностью настолько очевидна, что писать и петь о ней — самая естественная вещь на свете.

— Ты много ли у тебя было серьезных романов? — Да.

— Ты можешь представить себя остепеневшимся, с кучей детишек? — Да, я люблю детей, и когда-нибудь мне очень хотелось бы воспитывать собственного ребенка.

— Как ты относишься к тому, что дети слушают такие вещи, например, как «Сэр Пеихо-секс»? — Если родители считают, что их ребенок не в состоянии разобраться в моей лексике, тогда им не следует подвергать их ее влиянию.

— Твое воспитание было несколько свободным, особенно когда ты жил у отца. А какие у тебя отношения с матерью? — Очень хорошие. Мать была для меня образцом безграничной любви, она почти десять лет выбивалась из сил, чтобы вырастить меня.

— Что запомнилось тебе из детства? — Я помню все. Мы жили в Гранд-Рапидс, Мичиган, очень бедно. Мама каждый день ходила на работу в юридическую контору, где была секретарем.

— Как ты относишься к тому, что дети слушают такие вещи, например, как «Сэр Пеихо-секс»? — Если родители считают, что их ребенок не в состоянии разобраться в моей лексике, тогда им не следует подвергать их ее влиянию.

— Твое воспитание было несколько свободным, особенно когда ты жил у отца. А какие у тебя отношения с матерью? — Очень хорошие. Мать была для меня образцом безграничной любви, она почти десять лет выбивалась из сил, чтобы вырастить меня.

— Что запомнилось тебе из детства? — Я помню все. Мы жили в Гранд-Рапидс, Мичиган, очень бедно. Мама каждый день ходила на работу в юридическую контору, где была секретарем.

— Как ты относишься к тому, что дети слушают такие вещи, например, как «Сэр Пеихо-секс»? — Если родители считают, что их ребенок не в состоянии разобраться в моей лексике, тогда им не следует подвергать их ее влиянию.

— Твое воспитание было несколько свободным, особенно когда ты жил у отца. А какие у тебя отношения с матерью? — Очень хорошие. Мать была для меня образцом безграничной любви, она почти десять лет выбивалась из сил, чтобы вырастить меня.

— Что запомнилось тебе из детства? — Я помню все. Мы жили в Гранд-Рапидс, Мичиган, очень бедно. Мама каждый день ходила на работу в юридическую контору, где была секретарем.

— Как ты относишься к тому, что дети слушают такие вещи, например, как «Сэр Пеихо-секс»? — Если родители считают, что их ребенок не в состоянии разобраться в моей лексике, тогда им не следует подвергать их ее влиянию.

— Твое воспитание было несколько свободным, особенно когда ты жил у отца. А какие у тебя отношения с матерью? — Очень хорошие. Мать была для меня образцом безграничной любви, она почти десять лет выбивалась из сил, чтобы вырастить меня.

— Что запомнилось тебе из детства? — Я помню все. Мы жили в Гранд-Рапидс, Мичиган, очень бедно. Мама каждый день ходила на работу в юридическую контору, где была секретарем.

— Как ты относишься к тому, что дети слушают такие вещи, например, как «Сэр Пеихо-секс»? — Если родители считают, что их ребенок не в состоянии разобраться в моей лексике, тогда им не следует подвергать их ее влиянию.

— Твое воспитание было несколько свободным, особенно когда ты жил у отца. А какие у тебя отношения с матерью? — Очень хорошие. Мать была для меня образцом безграничной любви, она почти десять лет выбивалась из сил, чтобы вырастить меня.

— Что запомнилось тебе из детства? — Я помню все. Мы жили в Гранд-Рапидс, Мичиган, очень бедно. Мама каждый день ходила на работу в юридическую контору, где была секретарем.

— Как ты относишься к тому, что дети слушают такие вещи, например, как «Сэр Пеихо-секс»? — Если родители считают, что их ребенок не в состоянии разобраться в моей лексике, тогда им не следует подвергать их ее влиянию.

— Твое воспитание было несколько свободным, особенно когда ты жил у отца. А какие у тебя отношения с матерью? — Очень хорошие. Мать была для меня образцом безграничной любви, она почти десять лет выбивалась из сил, чтобы вырастить меня.

— Что запомнилось тебе из детства? — Я помню все. Мы жили в Гранд-Рапидс, Мичиган, очень бедно. Мама каждый день ходила на работу в юридическую контору, где была секретарем.

— Как ты относишься к тому, что дети слушают такие вещи, например, как «Сэр Пеихо-секс»? — Если родители считают, что их ребенок не в состоянии разобраться в моей лексике, тогда им не следует подвергать их ее влиянию.

№ 27 (1740) • 1994 г.

всем этим заправляющая. Узнает, что я это я, и говорит: «Кажется, этот парень что-то сделал там с девушкой».

— А как ты жил у отца в Калифорнии? — Вся атмосфера была сплошным кайфом — шикарная одежда, музыка, искусство — я был от всего этого без ума.

— А как ты считаешь теперь? — В той жизни были и хорошие, и дурные стороны. Что касается наркотиков, то я ни о чем не жалею, потому что теперь я такой, как есть.

— И различия интервью и статей о тебе складываются мнение как о несколько замкнутом человеке. Говорит ли кто-нибудь тебе об этом? — Да. Обычно это удивляет меня, ведь я не боюсь говорить ни о чем.

— У меня целый список подобных вопросов. — О'кей, вываливайте их.

— Ты религиозен? — Я глубоко невежественный в религии человек. Я принимаю вещи такими, как они есть.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

Думаю, разные люди будут удивляться разным вещам.

— А что люди говорят, после того, как узнают тебя поближе? — Обычно говорят: «Ну и шельмец же он!»

— Что тебе нравится в самом себе? — Трудный вопрос... — Попробуй ответить.

— Мне нравится моя любовь к природе. Я чувствую связь с ней. Я действительно люблю те природные явления, которые люди называют бедствиями.

— Почему ты считаешь теперь? — В той жизни были и хорошие, и дурные стороны. Что касается наркотиков, то я ни о чем не жалею, потому что теперь я такой, как есть.

— И различия интервью и статей о тебе складываются мнение как о несколько замкнутом человеке. Говорит ли кто-нибудь тебе об этом? — Да. Обычно это удивляет меня, ведь я не боюсь говорить ни о чем.

— У меня целый список подобных вопросов. — О'кей, вываливайте их.

— Ты религиозен? — Я глубоко невежественный в религии человек. Я принимаю вещи такими, как они есть.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.

— Можешь ли тебя что-нибудь понастоящему взбесить? — Нет, наверняка будет что-нибудь новенькое.